

Последний долг артиста-гражданина

В начале июля Ролану Антоновичу Быкову сделали операцию на легких. С тех пор он находился в больнице. Когда Ролан Антонович узнал, что в издательстве «Искусство» готовится книга воспоминаний о Юрии Никулине с которым его на всю жизнь связали съемки фильма «Чучело», он счел своим долгом наговорить этот монолог, который, увы, оказался последним словом большого художника. Он посвятил его другому артисту. Но его попытка портрета, как это нередко бывает у великих, в какой-то мере и попытка автопортрета. Записала монолог Ядвига Юферова.

Юрий Никулин для меня предстал первый раз «инкогнито». Я увидел его в номере знаменитого Карандаша; в роли зрителя-подставки. Предлагалось кому-то из зрителей прокатиться на лошади. И когда поднялся этот человек, то можно было все что угодно подумать о нем, кроме того, что он артист. Поднялся человек, который и должен был подняться, вот такой чудной из публики. У него в глазах был испуг, отчаяние и какое-то навязчивое желание: а что, может, я и прокачусь. Одет он был как-то очень житейски. Ему коротковаты, по-моему, были рукава (дело было после войны).

Его подвесили к лонже. Лошадь поскакала, лонжа его задерживала. Он начинал лететь над ареной и попадал в объятия женщины-наездницы, скакавшей на арене. Поднявшаяся жена, не помню кто это был, действительно ли жена Юрия Владимировича или другая артистка, стала устраивать скандал. Его снова сажали на лошадь, лонжу снова пристегивали, и он снова падал в объятия циркачки. Был очень большой скандал, было так смешно, что невозможно описать. Я так и не знал тогда, что это был Юрий Никулин.

Огромное впечатление он на меня произвел как драматический актер в фильме «Когда деревья были большими». Он потряс опять-таки своей не актерской сущностью, а человеческой. Я на юбилее ему сказал, что такие глаза, как у него в фильме «Когда деревья были большими», бывают у спаниелей и некоторых женщин. Эти глаза действительно были не загримированы. Это вообще был не загримированный человек. Это был репортажный актер, что меня совершенно потрясло.

Должен сказать, что когда я начинал снимать «Айболита», то первая кандидатура на роль Айболита был Никулин. А он в это время был в Австралии на гастролях. Не зная, что гастроли очень долгие, я послал ему телеграмму. Он был тронут. Австралия, край света, а его приглашают сниматься в кино на главную роль. Мы потом с ним об этом говорили.

Я всегда мечтал снять Никулина. Он был такой человек, в круг которого попадало очень много народа, и я в том числе. Никулин со всеми держался дружелюбно. Это не было лицемерием, он действительно был дружелюбно ко всем расположен.

Никогда не забуду, как я пришел на его выступление в Ленинградский цирк. Заранее попросил: «Юра, оставь мне билет». — «Да-да, — ответил он, — я тебе сделаю приглашение в ложу». Но когда я пришел, билета не оказалось: он забыл. Я купил билет на хорошее место. Сажу. Смотрю. Он вышел на манеж, заметил меня и вдруг вспомнил, что обещал. И стал разыгрывать меня. «Вон, — говорит, — сидит Ролан Быков, я ему обещал билет, но забыл, и ему пришлось купить». Стал клясться и божиться, что отдаст мне

восемь рублей. И делал это так потешно, приговаривая: «Я тебе отдам». Я получался жадный, вроде как не верил, что эти несчастные восемь рублей ко мне когда-нибудь вернутся. А он клялся, божился, звал в свидетели всех зрителей. Публика хохотала, а я себя чувствовал довольно нелепо.

Когда я стал искать актера на роль дедушки в «Чучело», мне не сразу пришел Никулин в голову. Я хотел играть сам. Трижды пробовался. Мне не понравилось. Я хотел, чтобы в идеале играл князь Оболенский, чтобы у этого деда была другая группа крови по сравнению с нашими ребятами.

Я очень тяжело шел к этой роли, пока не понял, что это Никулин. Но к этому надо было прийти, это было открытие роли, в подтексте которой даже читалось немножко русского юродства.

Я вырезал одну сцену, которую снял и которая была для меня главной — о корнях русской интеллигенции. Снял нашествие татар, откуда есть-пошел род Бессольцевых. Это было в конце. Мне очень жалко этого эпизода. Я оригинально его снял, потратил на него не такие уж большие деньги, но эпизод получился потрясающий. В финале он топит печку, в огне возникает старая Таруса, Тарусь. Князь ранен, его угощали, давали мясо, говорили: «Извини, уже седьмой день осады, соли нет». А он, раненный, с удовольствием жевал тот кусок мяса. Какой-то мужик спас ему жизнь. Князь говорит: «Ну, проси, чего тебе?» Народ зашелестел: «Чарку поднеси, да и все». Но спаситель попросил: «Мне имя, беглый я». Князь поднимался наверх, оттуда плевал и говорил: «Бессольцем будешь, видишь — соли нет». Для меня важно было рождение русской интеллигенции. Рождение когда-то из плевка, без всякого аристократического происхождения.

Все черты этой русской интеллигенции, особой, чистой национальной когорты людей, нес в себе Никулин. Это его отличительная внутренняя ценность — человека интеллигентного. Не потому интеллигентного, что он оттопыривает пальчик, ведет себя по этикету, а интеллигентного в высшем смысле этого слова. В смысле доброты, в смысле ума, в смысле понимания, в смысле скромности.

Не знаю, кто еще в мире может так выразительно слушать. Ведь весь фильм «Чучело» построен очень сложно — это в принципе всего лишь рассказ девочки.

Помню, когда умер Юрий Владимирович, начался детский кинофестиваль. И я показал последний кадр, в котором Никулин уезжал, снимал шляпу и прощался со зрителями, уходил паромом. Зал стоя смотрел этот последний кадр. Так судьба распорядилась, что последний кадр Юрия Никулина, в котором он снялся, — финал «Чучела». Это вознесение...

Никулин Юрий В 4.10.98